

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 197–204, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-197-204
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.37

Noun Case and Declensional Paradigms of Old Written Kalmyk

Evgeniy V. Bembeev¹, Tsagan D. Mandzhieva²

¹ Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Senior Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: galdma@yandex.ru.

² Laboratory Assistant, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: mandzhieva.96@mail.ru.

Abstract

The article examines the noun case paradigm which is relevant to virtually all nominative parts of speech in Old written Kalmyk. As is known, a Kalmyk word — like words of any other agglutinative language — can be divided in two parts, namely: an uninflected part — a stem, and an inflected one — affixes. Moreover, the stem of a word is to be followed by word-forming affixes and particles in a strict order. Nouns of Old written Kalmyk are characterized by grammatical categories of case and number; they can also be followed by indicators of possessiveness. The strict order according to which indicators of the grammatical categories are to be added to the stem is as follows: an indicator of the plural comes first, it is followed by case and possessive suffixes respectively; the latter sometimes merges with the case suffix and, thus, makes an integral indicator. All suffixes can be written separately from the stem-word; in this case they are divided by hyphens when transcribed.

When it comes to the case paradigm of Old written Kalmyk, one should distinguish the nominative case and forms of oblique cases that are basically suffixal. Suffixes of all oblique cases have phonetic variants (allomorphs) to be determined either by the final sound of the previous morpheme (root or suffix) or by vowel harmony; sometimes both the factors should be taken into consideration. It is noteworthy that the earliest works on the grammar of Old written Kalmyk describe the phonetic, lexical and grammatical processes that occurred in the written language of the 18th–19th cc. A. Bobrovnikov pointed out the gap between the literary language and the actual speech of the Kalmyks in the 19th century.

Keywords: earliest texts, case paradigm, simple declension, allomorphs.

Одной из важных задач современной лингвистики, в том числе и калмыцкого языкознания, является развитие корпусных исследований. В 2012 г. был создан Национальный корпус калмыцкого языка (далее — НККЯ), основанный на материале современных художественных текстов [Куканова, Бембеев и др. 2012]. Следующим шагом в данном направлении является разработка ряда подкорпусов, в том

числе и подкорпуса «ранних» текстов. Как известно, основным условием для достоверной работы корпуса является создание «правильного» морфологического анализатора — программы, приводящей словоформу к начальной форме с приписыванием ей той или иной грамматической информации (грамматем), которую несет данная единица в тексте. Для современного калмыцкого языка, несмотря на «сложности» выделения

словоизменительных типов, такая программа создана и успешно апробирована [Куканова 2012а; 2012б]. Что касается языка старописьменных памятников, то эту задачу еще только предстоит решить. Надо сказать, что старописьменная и современные (письменная и устная) формы калмыцкого языка в значительной степени отличаются друг от друга. Поэтому словоизменительные типы, разработанные на материале современного калмыцкого языка, нерелевантны для разбора «ранних» текстов.

Как известно, определенный тип парадигмы выделяют на основе общей системы выражения грамматических категорий определенными словоизменительными аффиксами и наличия сходных морфонологических процессов, а также частеречной принадлежности, в пределах которой действует тот или иной образец склонения. В данной статье мы хотим рассмотреть падежную парадигму имени существительного, которая, по сути, будет актуальна для всех именных частей речи старописьменного калмыцкого языка. Как известно, в калмыцком языке, собственно как и во всех агглютинативных языках, сосуществуют две части слова: неизменяемая — основы — и изменяемая — аффиксы. Более того, изменяемая часть слова предполагает строгий порядок присоединения словоизменительных аффиксов и частиц к основе слова. Имена существительные старописьменного калмыцкого языка имеют категории падежа, числа, а также могут присоединять показатели притяжания. Показатели этих грамматических категорий присоединяются к основе существительного в строгом порядке: первым — показатель множественного числа, к нему присоединяется суффикс падежа и затем притяжательный суффикс, который иногда сливается с суффиксом падежа в одно целое. Все суффиксы могут писаться отдельно от слова: в этом случае в транскрипции они отделяются дефисом.

Прежде чем рассмотреть ранние грамматики старописьменного калмыцкого языка [далее — СПКЯ], необходимо отметить, что в старописьменном монгольском языке [далее — СПМЯ] имелось 9 падежных форм: именительный, родительный, винительный, дательный-местный, местный, исходный, орудный, совместный, соединительный [Санжеев 1964: 65–66]. Что касается грамматик собственно старописьменного калмыцкого языка, первая из них вышла в

свет в 1847 г. Автор труда А. Попов подробно раскрывает систему склонения калмыцкого языка, отмечая, что в зависимости от окончания основ слов «существительные имена <...> разделяются на три склонения» [Попов 1847: 43]. Автор выделяет восемь¹ падежных форм: именительный (основа слова), родительный (-*yin*; -*iyin*; -*i*), отделительный (-*ēce*; в том числе просторечные формы, употребляющиеся слитно, -*sa*; -*se*; -*su*; -*sü*), дательный или местный (-*tu*; -*ta*; -*tü*; -*te*; -*du*; -*da*; -*dü*; -*de*), винительный (-*i*; -*gi*; -*yigi*), звательный (-*aya*; -*ā*), творительный инструментальный (-*iēr*; -*bēr*; просторечные -*yār*; -*gēr*; -*ār*; -*ēr*), творительный совокупительный (-*luyā*; -*lügē*; просторечные послеречия -*lā*; -*lē*; -*ār*; -*ēr*; или заменяемые наращениями -*tai*; -*tei*) [Попов 1847: 49–50]. Необходимо отметить, что автор грамматики приводит не только устоявшиеся книжные формы падежных окончаний, но и разговорные, как он их называет, просторечные, формы.

Спустя два года А. Бобровников издал «Граматику монгольско-калмыцкого языка», где также подробно рассмотрел систему склонения имен, выделяя 7 падежей: именительный (основа слова), родительный (-*yin*; -*giyin*; -*i*; -*iyin*; разговорные формы: -*nai* (-*noi*); -*nei* (-*nöi*); -*ai* (-*oi*); -*ei* (-*öi*), винительный (-*yigi*; -*gi*; -*i*), исходный (-*ēce*; в том числе разговорные формы, употребляющиеся слитно, -*āsa*; -*ēse*; -*ōsö*; -*ōso*; -*yāsa*; -*gēse*; -*gōsö*; -*yōso*), местный (книжные формы -*dur*; -*tur* (редкая книжная форма на -*a*); разговорные -*du*; -*da*; -*de*; -*tu*; -*ta*; -*te*), творительный (книжные формы -*iēr*; -*bēr*; разговорные -*ār*; -*ēr*; -*ōr*; -*ōr*; -*yār*; -*gēr*; -*gōr*; -*gōr*; -*ar*; -*er*), соединительный (-*luyā*; -*lügē*; разговорные формы -*lā*; -*lē*; -*lō*; -*lō*; -*lār*; -*lēr*; -*ār*; -*ēr*; но чаще употребляются частицы соединительного падежа -*tai*; -*tei*; -*toi*; -*töi*). А. Бобровников указал еще два редко употребляемых падежа: падеж, назначенный для показания меры в высоту по частям тела живых существ (книжная форма -*cegē*; разговорная -*cē*; -*cei*), и звательный падеж (-*ai*; -*ā*).

Рассматривая парадигму склонения имен калмыцкого языка, В. Л. Котвич выделяет 10 падежей: именительный, затель-

¹ Автор в параграфе 70 ошибочно указывает, что в калмыцком языке имеется 9 падежей. Хотя ниже он рассматривает и приводит примеры склонений только 8 падежных форм [Попов 1847: 49].

ный, родительный, дательный, винительный, исходный, творительный, соединительный (две формы), *направления* и предельный [Котвич 1929: 147].

В старописьменном калмыцком языке выделяют простое, возвратное, притяжательное и двойное склонения. Рассмотрим простую падежную парадигму старописьменного калмыцкого языка.

Именительный падеж

Вследствие неоформленности именительного падежа в монгольских языках его считают совпадающим с основой слова. Следует отметить, что формальные различия между основой и именительным падежом невелики и поддаются установлению лишь в области определенных групп слов, а именно таких, которые в большинстве монгольских языков имеют так называемый неустойчивый или скрытый конечный *н*. Различия эти проявляются и в склонении местоимений. Относительно других именных частей речи, в их склонении нет ничего такого, что давало бы основание проводить формальное различие между основой и именительным падежом.

Однако некоторые монголисты возражают против такого подхода, полагая, что *Nominativ* и основа слова — «разные по форме и содержанию категории» [Санжеев 1953: 140]. По определению А. Бобровникова, *Nominativ* «служит корнем для всех прочих падежей, а сам не имеет никакой отличительной частицы» [Бобровников 1849: 88].

Родительный падеж

Данный падеж в старописьменном калмыцком (ойратском) языке выделяется по сравнению с другими разнообразием форматов, в основе которых, как и вообще в алтайских языках, выделяется первоначальный *-n* [Рамстедт 1957: 33; Цыдендамбаев 1979: 49]. Монгольский аффикс *-yin*, употребляющийся после основ на гласные и дифтонги, был перенесен без изменений: *metuyin* ‘подобного’, *sarayin* ‘месяца’, *dalayin* ‘океана’.

Аффиксу монгольского письменного *-un* в старописьменном калмыцком (ойратском) соответствуют *-iyin* (после основ на согласные), *-giyin* (после основ на долгую гласную). После основ на *-n* употребляется показатель *-i*, соответствующий монгольскому письменному *-и*, который встречается в живой речи монголов. Но наряду с этим особое внимание обращает на себя тот

факт, что параллельно с традиционным показателем *-i* в поздних памятниках XIX в. широко употребляются форманты *-ai* / *-ei*, *-e*: / *-a*: / *-a* (в зависимости от сингармонической рядности слова), которые были присущи разговорной речи, причем количественно в некоторых словах они встречаются чаще, чем формант *-i* [Бембеев 2005].

Следует отметить, что родительный падеж является очень распространенным в монгольских языках. Отличаясь «семантическим разнообразием», он осуществляет «широкую грамматическую связь между именами самых различных значений» [Орловская 1984: 29]. Эту гамму разнообразий унаследовал и старописьменный калмыцкий язык: *Burqani abural buuzi* ‘Да снизойдет спасение Будды’ [НККЯ: Хождение... 120]; *Uulayin ö:dö gurbun duunai düngge* ‘Вершина горы высотой около 3 километров’ [НККЯ: Хождение... 89].

Винительный падеж

Показатели винительного падежа не отличаются таким же разнообразием, каким обладают показатели родительного падежа. В письменном памятнике «Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-Дербетского Бааза-бакши» [НККЯ: Хождение] ко всем именам при образовании аккузатива присоединяются следующие показатели: *-i*, *-yi*, *-yigi*, *-iyigi*, *-gi*. Основная функция имени в винительном падеже — это функция прямого дополнения и обозначение одушевленного или неодушевленного объекта при переходном глаголе. При этом прямое дополнение может выступать как с показателями винительного падежа, так и без них.

Закономерности в употреблении аффиксов винительного падежа не имеют строгой последовательности, например одно и то же слово в пределах даже одного текста может встречаться с разными суффиксами [Яхонтова 1996: 46]. В середине XIX в. известный монголовед А. Бобровников писал, что показатель винительного падежа обозначается или опускается произвольно [Бобровников 1849: 241]. В свою очередь, Г. Д. Санжеев отмечал о «надуманности категории определенности / неопределенности» [Санжеев 1940: 212; 1953: 186].

Суффикс *-i* присоединяется к основам, оканчивающимся на согласный и гласные *-a* и *-o*; после конечных согласных *-q* или *-ŋ* присоединяется суффикс *-gi*.

Например, в некоторых памятниках встречается аффикс *-yi*, который, как и в

письменном монгольском, употребляется после основ на краткую гласную: *Mayidari-yi* 'Майтрею', *suryuuli-yi* 'обучение'. Следует заметить, что данный формант соединяется с основой параллельно с *-yigi*: *Corzi-yi* ~ *Corziyigi* [Бадмаев 2001].

Дательно-местный падеж

В старописьменном калмыцком языке датив-локатив образуется при помощи аффиксов *-du* ~ *-dū* / *-tu* ~ *-tū*. Дательно-местный падеж осуществляет широкую грамматическую связь между именами: выражение различных косвенных дополнений и обстоятельств времени, места. Например, дательно-местный выражает лицо, к которому обращаются; пространственно-местные отношения, указывая на место совершения действия; временные отношения, а также указывает место или предельный пункт, куда направлено действие. Окончание *-du* ~ *-dū* появлялось в тех словах, где основа оканчивалась либо на гласный звук, либо на согласные звуки [л], [м], [н], [нг], [у]. В остальных случаях употребляется *-tu* ~ *-tū*. Например, *Tere cagtu xamug ulus urbabacu bida urbagsan ugei* 'Хотя в то время все бежали, мы же не ушли' [Sariyin gerel]; *Kiyidiyin mörgöliyin orod-tu mörgözi ireküle*: 'Поклоняясь, вошли в молельное помещение монастыря' [НККЯ: Хождение... 108].

Орудный (творительный) падеж

Показатели орудного падежа восходят к универсальным аффиксам письменного монгольского языка *-be:r* / *-ye:r*, которые без изменений были перенесены в ойратский письменный. Далее под влиянием разговорного они нашли отражение в нижеуказанных формантах старописьменного калмыцкого языка:

1) после основ на краткий гласный звук и на согласные по закону сингармонизма — *-a:r*, *-e:r*, *-i:r*, *-o:r*, *-ö:r*, при этом неустойчивый *-n* основы слова выпадает: *alta:r* 'золотом', *möri:r* 'лошадью', *baqana:r* 'столбом', *tonggolo:r* 'по-монгольски';

2) к основам с конечными долгими гласными или дифтонгами и словам с конечным неустойчивым *-n*, но с предшествующим долгим гласным, а также с конечным *-ng* присоединяются аффиксы *-ga:r*, *-gi:r*, *-ge:r*, *-gö:r*: *zavidangga:r* 'неоседланный', *köbö:gö:r* 'берегом', *čige:ge:r* 'кумысом', *küüige:r* 'человеком'. Но встречается употребление *-ge:r* после основы, оканчивающейся на согласный *-g*, например слово *kererge:r* 'по делу'.

Показателями данного падежа в ойратском письменном являются *-be:r* (после основы на гласную) и *-ye:r* (после основы на согласную). Особенность их заключается в нарушении закона сингармонизма, так как они употребляются с основами независимо от твердости / мягкости гласных. Эти показатели перенесены из монгольского письменного языка. О происхождении аффиксов орудного падежа существуют различные мнения ученых. Так, Г. Д. Санжеев возводил формативы падежа к архетипу *-gar* / *-ger*, разлагаемому на две морфемы: *-ga* (показатель местного падежа) + *-p*, имеющегося «в составе ряда морфем» типа *деге-р-е* 'наверху', *доу-р-а* 'внизу' и т. п. [Санжеев 1953: 172]. Т. А. Бертагаев, предполагая архаичность орудного падежа, возводит его показатели к корням таких слов, как *бар-и* 'держать', и *гар* 'рука' [*бар-и гар*], значение которых вполне может быть осмыслено деривативно, как орудие действия [Бертагаев 1964: 45].

Орудный падеж имеет весьма широкий круг значений, но основной функцией этого падежа является выражение значения орудия или средства действия, и имена в этом падеже служат в предложении чаще всего дополнениями, а иногда и обстоятельствами. Собственно орудный обозначает предмет в широком смысле слова, служащий орудием или средством для совершения действия, выражает пространство или место, где лицо совершает действие или находится предмет, обозначает предмет, из которого что-либо делается; орудный образ действия характеризует то, как или при каких обстоятельствах совершается действие. Например, *Tere qulagayičin möre:ni möškiži küre:d* 'Достигли, следуя по следам тех воров' [НККЯ: Хождение... 60]; *Kure:urgulzi Coxor Aziryan-du bayiγaid Erkeyibci-be:r yatalbai* 'Кюрэ, постоянно находясь в Цохор-Аджиргане, переправилось через Эркейбчи' [НККЯ: Сарин герл 31а].

Совместный падеж

Данный падеж оформляется посредством суффикса *-tai* / *-tei*, а также зафиксированы единичные случаи употребления форманта *-tu* / *-tū*. Существенных различий в употреблении этих двух показателей не отмечается, но в некоторых случаях они могут нести различную семантическую окраску. В монголистике существует мнение о генетическом родстве аффикса совместного падежа и аффикса множественности *-tan*,

а также о позднем сложении этого падежа [Санжеев 1953: 174]. В первых грамматиках этот падеж рассматривался вместе с соединительным как формы одного падежа [Попов 1847: 59; Бобровников 1849: 98–99]. Автор грамматики разговорного калмыцкого языка В. Л. Котвич впервые рассматривал эти падежи как два самостоятельных, назвав их как «соединительный I и соединительный II» [Котвич 1929: 55].

В большинстве случаев существительные совместного падежа обозначают совместное действие одного лица с другим, а также выступают в значении имеющий что-либо, обладающий чем-либо: *Ха:n cu Danzin xun tayizitai Xucas-e:ce soni duliyn kurci iregsen...* ‘Хан вместе с Данджин-хунтайджем прибыл из Хуцас в ночь’ [НККЯ: Сарин герл 30b]; *Ene yazar-tu bayigsan De:dü mongyolcuud, Burqan šažitai, mongyol qudma bičigtei, quičin yangzuni mel manai dörbön oyirodiyın yangžutai bayigsan sanaži. Aduun teme:n ükür qonin yama:n iyimi maltai* ‘Верхние монголы, проживающие в этих краях, исповедуют буддизм и имеют у себя монгольскую письменность, быт их такой же, как и наш, — ойратский. Содержат четыре вида скота: лошадей, коров, овец и коз» [НККЯ: Хождение... 51].

Соединительный падеж

Соединительный падеж оформляется аффиксами *-la:* / *-lai* / *-la:i* / *-le:* / *-lei* // *-luga* / *-lüge*. Этот падеж был распространен в старописьменном монгольском языке, но в современных монгольских языках отсутствует, сохранившись только в калмыцком.

Многие монголисты считают, что в ойратском существовал лишь один падеж — совместный, который выражался двумя различными суффиксами — *-luga* / *-lüge* и *-tai* / *-tei* / *-toi* / *-töi*, причем первому приписывают литературный, а второму — разговорный характер (как и в старописьменном монгольском) [Жамьян 1988: 18]. Тем самым отрицается наличие в старописьменном калмыцком самостоятельного соединительного падежа. О необходимости дифференциации совместного и соединительного падежей правомерно высказывался Г. Д. Санжеев. В частности он отмечал, что первоначально в старописьменном монгольском имелись два различных падежа:

соединительный (*-luga* / *-lüge*) и совместный (*-tai* / *-tei*) [Санжеев 1953: 173]. Г. Д. Санжеев, исходя из значения соединительного падежа, предлагал назвать его «кооперативным или совместным» [Санжеев 1940: 47].

Соединительный падеж выражает время действия, а также выступает как средство грамматической связи значимого слова с послелогом: *Tende xonozi ecige eke-luge: kelelcen axui-du...* ‘Когда там ночевал и беседовал с отцом и матерью...’ [НККЯ: Сарин герл 27a]; *Čige:ni manai čigele: adali sayıqan čigen bayınai* ‘Кумыс очень хороший, такой же, как и наш’ [НККЯ: Хождение... 10].

Исходный падеж

Традиционно показателем исходного падежа в старописьменном калмыцком языке является суффикс *-e:ce*, не имеющий сингармонических вариантов. Между тем, наряду с этим формантом в памятниках широко используются показатели, характерные для разговорного языка: *-o:su* / *-a:su* / *-e:sü* / *-e:se* / *-a:sa*. Исходный падеж имен обозначает отправную точку любого действия или состояния в движении, временные отношения, исходный сравнения, момент начала свершения действия и др.: *Odisa-e:ce tömör tergen-dü suuga:d* ‘Из Одессы сели на поезд’ [НККЯ: Хождение... 118].

Таким образом, рассматривая падежную парадигму старописьменного калмыцкого языка, необходимо выделять именительный падеж и формы косвенных падежей, которые образуются суффиксально. Одни суффиксы пишутся слитно, другие — отдельно от имени; некоторые встречаются в обоих написаниях. Суффиксы всех косвенных падежей имеют фонетические варианты (алломорфы), выбор между которыми в одних случаях определяется конечным звуком предшествующей морфемы (корня или суффикса), в других — законом сингармонизма (гармонии гласных), иногда — и тем, и другим. Необходимо отметить, что уже в первых грамматиках старописьменного калмыцкого языка отмечаются некоторые фонетические, лексические и грамматические процессы, которые имели место в разговорном языке XVIII–XIX вв. А. Бобровников указывал на значительный разрыв между книжным языком и живой речью калмыков XIX в.

**Набор надежных окончаний на материале первых грамматик
старописьменного калмыцкого языка и ранних текстов НККЯ**

Падеж	Варианты окончаний по грамматике А. Попова	Варианты окончаний по грамматике А. Бобровникова	Варианты окончаний по грамматике В. Котвича	Варианты окончаний на материале ранних текстов
Им.	-ø	-ø	-ø	-ø
Род.	-yin; -iyin; -i	-yin; -giyin; -i; -iyin; разговорные формы -nai (-noi); -nei (-nöi); -ai (-oi); -ei (-öi)	-iyin; -n; -ā; -ā̄; редко -i; -ān; -ā̄n; -nā; -nā̄	-iyin; -giyin; -i; -ai / -ei; -e; / -a :/ -a
Дательный (дательно-местный)	-tu; -ta; -tü; -te; -du; -da; -dū; -de	книжные формы -dur; -tur (редкая книжная форма на -a); разговорные -du; -da; -de; -tu; -ta; -te	-da; -de; -ta; -te; -d; -t	-du ~ -dū / -tu ~ -tü
Винительный	-i; -gi; -yigi	-yigi; -gi; -i	-iyigi; -gi	-i; -yi; -yigi; -iyigi; -gi
Орудный	творительный инструментальный (-iēr; -bēr; просторечные -γār; -gēr; -ār; -ēr)	книжные формы -iēr; -bēr; разговорные -ār; -ēr; -ōr; -ōr; -γār; -gēr; -gōr; -gōr; -ar; -er	-ār; -ēr Старые книжные формы -iēr; -bēr	-be:r; -ye:r; -a:r; -e:r; -i:r; -o:r; -ō:r; -ga:r; -gi:r; -ge:r; -gō:r
Совместный	творительный совокупительный (-luγā; -lūgē; просторечные послеречия -lā; -lē; -ār; -ēr; или заменяемые наращениями -tai; -tei)	-luγā; -lūgē; разговорные формы -lā; -lē; lō; -lō; -lār; -lēr; -ār; -ēr; частицы соединительного падежа -tai; -tei; -toi; -tōi	-tai; -tei; -lai; -lei; Старые книжные формы: -luγā; -lūgē;	-tai; -tei; -la:/-lai/- la:i/ -le:/ -lei // -luga/-lūge.
Исходный	отделительный (-ēce; в том числе просторечные формы, употребляющиеся слитно, -sa; -se; -su; -sū	-ēce; в том числе разговорные формы, употребляющиеся слитно, -āsa; -ēse; -ōsō; -ōso; -γāsa; -gēse; -gōsō; -γōso	-āsa; -ēse; книжная форма -ēce	-ēce; -o:su; -a:su; -e:sū; -e:se; -a:sa
Направление	-	-	-uur; -üür	-uur; -üür
Звательный	-aγa; -ā	-ai; -ā		
Предельный		книжная форма -cegē; разговорная -cē; -cei	-cai; -cei	

Литература

- Бадмаев Б. В. «Сарын герел» — памятник ойратской письменности XVII в. (текстолого-лингвистический анализ). Автореф. дис.... канд. фил. наук. М., 2001. 24 с.
- Бембеев Е. В. Лингвистическое описание памятника старокалмыцкой (ойратской) письменности: «Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского Бааза-бакши». Автореф. дис.... канд. фил. наук. М., 2005. 28 с.
- Бертагаев Т. А. К генезису некоторых падежей в монгольских языках // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. 83. Монголоведение и тюркология. М.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 41–45.
- Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университ. тип., 1849. 403 с.
- Жамьян Г. Ясное письмо в сравнительном освещении. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Улан-Батор, 1988. 24 с.
- Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-ое. Ржевнице у Праги, 1929. 418 с.
- Куканова В. В. Словоизменительные типы в калмыцком языке в свете автоматической обработки текстов (на примере имени существительного) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012а. № 2. С. 168–177.
- Куканова В. В. Словоизменительные типы в калмыцком языке в свете автоматической обработки текстов (на примере имени существительного)—II // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012б. № 3. С. 151–161.
- Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 138–150.
- Орловская М. Н. Язык «Алтан тобчи». М.: ГРВЛ, Наука, 1984. 236 с.
- Павлов Д. А. О системе склонения имен существительных в калмыцком языке // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. М.: Наука, 1976. С. 18–42.
- Попов А. В. Грамматика калмыцкого языка. Казань: Университ. тип., 1847. 392 с.
- Рамstedт Г. Й. Введение в алтайское языкознание: морфология / обраб. и изд. П. Аалто; пер. с нем. Л. С. Слоним; под ред. и с предисл. Н. А. Баскакова; примеч. Н. А. Баскакова и Г. Д. Санжеева. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 253 с.
- Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 156 с.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.
- Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М.: Наука, 1964. 90 с.
- Сусеева Д. А. Грамматический строй калмыцкого языка XVIII в.: морфонология и морфология (на материале писем калмыцких ханов и их современников / отв. ред.: А. В. Дыбо, Э. У. Омакаева. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 240 с.
- Тодаева Б. Х. Значение и функции падежей в калмыцком языке // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста, 1960. С. 163–190.
- Трофимова С. М. Падежно-послеложные конструкции монгольских языков и их русские эквиваленты / отв. ред. В. И. Рассадин. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1989. 94 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М.: Наука, 1979. 147 с.
- Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII в. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.

References

- Badmaev B. V. «*Saryn gerel*» — *pamyatnik ojratskoj pis'mennosti XVII v. (tekstologo-lingvisticheskij analiz)*. *Avtoref. dis. ... kand. fil nauk* [«Saryn gerel» — a monument of Oirat script of the XVII century. (Textual and linguistic analysis). A Ph. D. thesis abstract]. Moscow, 2001, 24 p. (In Russ.).
- Bembeyev E. V. *Lingvisticheskoe opisanie pamyatnika starokalmyckoj (ojratskoj) pis'mennosti: «Skazanie o hozhdenii v Tibetskuyu stranu Maloderbetovskogo Baaza-bakshi»*. *Avtoref. dis. ... kand. fil nauk* [Linguistic description of the monument of the Old-Kalmyk (Oirat) script: «The Tale of the Walking to the Tibetan Land of Maloderbetovskiy Baaz-baksha». A Ph. D. thesis abstract]. Moscow, 2005, 28 p. (In Russ.).
- Bertagayev T. A. *K genezisu nekotorykh padezhey v mongol'skikh yazykakh* [On the genesis of some grammatical cases in Mongolian languages]. *Kratkie soobshcheniya Instituta narodov Azii* [Brief Reports of the Institute of Asian Peoples], iss. 83, *Mongolovedenie i tyurkologiya* [Mongolic and Turkic Studies]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1964, pp. 41–45 (In Russ.).

- Bobrovnikov A. A. *Grammatika mongol'sko-kalmytskogo yazyka* [Grammar of the Kalmyk-Mongolian language]. Kazan, Kazan Univ. Press, 1849, 403 p. (In Russ.).
- Zhamyan G. *Yasnoe pis'mo v sravnitel'nom osveshchenii. Avtoref. dis. ... kand. fil nauk* [Clear Script in the light of comparative studies. A Ph. D. thesis abstract]. Ulaanbaatar, 1988, 24 p. (In Mong.).
- Kotvich V. L. *Opyt grammatiki kalmytskogo razgovornogo yazyka. Izd. 2-oe* [Grammar of colloquial Kalmyk. 2nd edit.]. Prague, 1929, 418 p. (In Russ.).
- Kukanova V. V. *Slovoizmenitel'nye tipy v kalmytskom yazyke v svete avtomaticheskoy obrabotki tekstov (na primere imeni sushchestvitel'nogo)* [Word-forming types of the Kalmyk language in the context of automatic text processing (evidence from Kalmyk nouns)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2012a, No. 2, pp. 168–177 (In Russ.).
- Kukanova V. V. *Slovoizmenitel'nye tipy v kalmytskom yazyke v svete avtomaticheskoy obrabotki tekstov (na primere imeni sushchestvitel'nogo)-II* [Word-forming types of the Kalmyk language in the context of automatic text processing (evidence from Kalmyk nouns)-II]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2012b, No. 3, pp. 151–161 (In Russ.).
- Kukanova V. V., Bembeev E. V., Mulaeva N. M., Ochirova N. Ch. *Natsional'nyy korpus kalmytskogo yazyka: arkhitektura i vozmozhnosti ispol'zovaniya* [The Kalmyk National Corpus: architecture and possibilities of use]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2012, No. 3, pp. 138–150 (In Russ.).
- Orlovskaya M. N. *Yazyk "Altan tobchi"* [The language of "Altan tobchi"]. Moscow, Nauka Publ., Chief Editorial Board for Oriental Literature, 1984. 236 p. (In Russ.).
- Pavlov D. A. *O sisteme skloneniya imen sushchestvitel'nykh v kalmytskom yazyke* [Kalmyk noun declension]. *Voprosy grammatiki i leksikologii sovremennogo kalmytskogo yazyka* [Questions of modern Kalmyk grammar and lexicology]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 18–42 (In Russ.).
- Popov A. V. *Grammatika kalmytskogo yazyka* [Kalmyk Grammar]. Kazan, Kazan Univ. Press, 1847, 392 p. (In Russ.).
- Ramstedt G. J. *Vvedenie v altayskoe yazykoznanie: morfologiya / obrab. i izd. P. Aalto; per. s nem. L. S. Slonim; pod red. i s predisl. N. A. Baskakova; primech. N. A. Baskakova i G. D. Sanzheeva* [An introduction to Altaic linguistics: morphology. Proc. and publ. by P. Aalto. Transl. from German by L. Slonim ...]. Moscow, Foreign Literat. Publ, 1957, 253 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Grammatika kalmytskogo yazyka* [Kalmyk grammar]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1940, 156 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov. T. 1* [Comparative grammar of Mongolian languages. Vol. 1]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1953, 240 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Staropis'menny mongol'skiy yazyk* [The Old written Mongolian language]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 90 p. (In Russ.).
- Suseeva D. A. *Grammaticheskii stroy kalmytskogo yazyka XVIII v.: morfonologiya i morfologiya (na materiale pisem kalmytskikh khanov i ikh sovremennikov / otv. red.: A. V. Dybo, E. U. Omakaeva* [The grammatical system of the 18th c. Kalmyk language: morphonology and morphology (evidence from letters of Kalmyk rulers and their contemporaries. Edit. by A. Dybo, E. Omakaeva)]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Inst. for Humanities of the RAS, 2011, 240 p. (In Russ.).
- Todaeva B. Kh. *Znachenie i funktsii padezhey v kalmytskom yazyke* [Meanings and functions of grammatical cases in the Kalmyk language]. *Zapiski Kalmytskogo NIIYaLI* [Notes of the Kalmyk Research Institute of History, Language and Literature], iss. 1, Elista, 1960, pp. 163–190 (In Russ.).
- Trofimova S. M. *Padezhno-poslelozhnye konstruksii mongol'skikh yazykov i ikh russkie ekvivalenty / otv. red. V. I. Rassadin* [Case and postpositional constructions of Mongolian languages and their Russian equivalents]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989, 94 p. (In Russ.).
- Tsydendambaev Ts. B. *Grammaticheskie kategorii buryatskogo yazyka v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii* [Grammatical categories of the Buryat language in a historical and comparative context]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 147 p. (In Russ.).
- Yakhontova N. S. *Oyratskiy literaturnyy yazyk XVII v.* [The 17th c. Oirat language]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1996, 152 p. (In Russ.).

**ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
СТАРОПИСЬМЕННОГО КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА**

Евгений Владимирович Бембеев¹, Цаган Дамбаевна Манджиева²

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: galdma@yandex.ru.

² лаборант, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: mandzhieva.96@mail.ru.

Аннотация. В статье рассмотрена падежная парадигма имени существительного, которая, по сути, будет актуальна для всех именных частей речи старописьменного калмыцкого языка. Как известно, в калмыцком языке, собственно как и во всех агглютинативных языках, сосуществуют две части слова: неизменяемая — основы — и изменяемая — аффиксы. Более того, изменяемая часть слова предполагает строгий порядок присоединения словоизменительных аффиксов и частиц к основе слова. Имена существительные старописьменного калмыцкого языка имеют категории падежа, числа, а также могут присоединять показатели притяжения. Показатели этих грамматических категорий присоединяются к основе существительного в строгом порядке: первым — показатель множественного числа, к нему присоединяется суффикс падежа и затем притяжательный суффикс, который иногда сливается с суффиксом падежа в одно целое. Все суффиксы могут писаться отдельно от слова; в транскрипции в этом случае они отделяются дефисом.

Рассматривая падежную парадигму старописьменного калмыцкого языка, необходимо выделять именительный падеж и формы косвенных падежей, которые образуются суффиксально. Суффиксы всех косвенных падежей имеют фонетические варианты (алломорфы), выбор между которыми в одних случаях определяется конечным звуком предшествующей морфемы (корня или суффикса), в других — законом сингармонизма (гармонии гласных), иногда и тем, и другим. Необходимо отметить, что уже в первых грамматиках старописьменного калмыцкого языка находят отражение те фонетические, лексические и грамматические процессы, которые имели место в письменном языке XVIII–XIX вв. А. Бобровников указывал на значительный разрыв между книжным языком и живой речью калмыков XIX в.

Ключевые слова: ранние тексты, падежная парадигма, простое склонение, алломорфы.